

18+

СЕРГЕЙ
СТЕПАНОВ

Оса
на медовой
капле

Сергей Степанов

Оса на медовой капле

<https://litres.ru/74285929>

ISBN 9785007075428

Аннотация

«Оса на медовой капле» — изящная, искрометная, мелодичная книга Сергея Степанова о том, что волнует и тревожит каждого в непредсказуемом, таком прекрасном и одновременно трагичном мире. Одухотворенные и по-настоящему живые, неповторимые в своей метафоричности стихи приобщают к уникальному восприятию реальности. Поэзия Сергея Степанова — это отточенный, свежий и мощный голос в современной литературе. В книге «Оса на медовой капле» звучным поэтическим языком утверждается торжество любви и добра.

Содержание

Оса на медовой капле	6
Сергей Степанов	6
«Майские грозы громкие, будто колокола...»	7
«Я теперь умею умирать...»	8
«По одним и тем же тропам...»	9
«Трезвонят звонко колокольчики...»	11
«Шпарит летний дождик...»	12
«Задыхаюсь, как бык в аромате корриды...»	13
«Помирать, конечно, не хочется...»	14
«Здесь, где чумные тучи...»	15
«Давай возьмемся за руки, пройдемся по ребрам причала...»	16
«Не закрывайся от мира. Даже на дне бутылки...»	18
«Счастье вывезло б, да лопнула подпруга...»	20
«Кто предложил бы обмен — в ситуации...»	23
«Здравствуй, друг! В Риме осень. Задуло...»	24
«Серебряная река...»	25
«Ни пером, ни винцом не балуюсь...»	27
«Вновь молчу на пределе себя самого...»	28
«Храм слова обрекли на слом...»	29
«Я качаю, качаю, качаю говно...»	30
«Я на окраину рвану, в лихой район...»	31

«Льняные, юные, красивые ...»	33
«Где-то там, где болотные топи...»	34
«Ветер вдруг переменился...»	35
«Взгляд устремлен куда-то в небо...»	36
«Там, где из грязи не вылезти...»	37
«Да не знать вам жизни без водки! Кара сия злая...»	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Оса на медовой капле

Сергей Степанов

© Сергей Степанов, 2026

ISBN 978-5-0070-7542-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Оса на медовой капле

Сергей Степанов

Copyright © 2017 Степанов С.

Пожалуйста, не забудьте оставить отзыв о прочитанной книге в Интернет-магазине.

«Майские грозы громкие, будто колокола...»

Майские грозы громкие, будто колокола.

Вскинется сердце — ломкое,
словно осколок стекла.

Шепот фортепиано
слетает с клавишных губ.

Грозы гремят. Бездыханно
гляжу, — то ли вдаль, то ли вглубь.

«Я теперь умею умирать...»

Я теперь умею умирать.

Возложите в изголовье небо,
а в ногах — нет слов, вам рассказать, —
прожитое, будто ломоть хлеба.

Я теперь и мирен, и смирен,
молчалив, как каменная глыба
недвижим, — не ждать мне ни арен,
ни наград, ни скорби, ни улыбок,

ни плевков под ноги, ни измен,
ни забвения обид, ошибок,
ни сражений, ни нелепых сшибок,
ни любви, ни прочих перемен.

«По одним и тем же тропам...»

По одним и тем же тропам
я хожу за тем же виски
каждый день. И продавщица
глаз давно не поднимает:
ей известны хриплый кашель,
шарканье и сип: «Спасибо!..»

Я бы ездил по Европам —
чудный шанс взлохматить киски! —
круглый год. Но подавиться
мне горячим расстегаем,
если ситцевую Russia
променяю на Антиб я,

где гуляет у водицы
средиземноморский ветер,
дерзко задирая юбки —
бес, охальник и зараза! —
до небес, округлость зада
обнажая без затей.

Да у нашей продавщицы
он такой, что нет на свете
ничего чудесней: хлюпки
все иные!.. К ней три раза
в день за виски я из ада
продерусь сквозь сто чертей!..

«Трезвонят звонко колокольчики...»

Трезвонят звонко колокольчики
в полях под вольной синью мая...
Прикончу виски во флакончике,
и, ничего не понимая,
отдамся зычной тишине,
что резонирует во мне...
Минует май, июнь, июль,
истает зноем пыльный август,
и я пойму: пей, пьяно блюй,
но жизни капли не осталось.
Зря колокольчатая синь
звенит и манит: дзинь-дзинь-дзинь!..

«Шпарит летний дождик...»

Шпарит летний дождик.
Может, перестанет,
а не то галоши
у меня на грани
полной энтропии:
в них зияют дыры, —
зря певца стихии
заждались трактиры.
Зря гляжу на небо, —
не проглянет просинь.
Дождик шпарит слепо.
Скоро осень.
Зря зачем-то медлю,
воздух пью гортанью.
Руки вяжут петлю.
До свиданья!..
Не нужны прощанья.
Вот мои галоши —
радость обнищания.
Все, хорошие...

«Задыхаюсь, как бык в аромате корриды...»

Задыхаюсь, как бык в аромате корриды.

Мне бы к морю, на волю!.. В ночь, слушая плеск его,
видишь звезды в киношном формате 3D.

Небосвод крутозадые кариатиды
подпирают... И нет — Бог, привет! — мира плоского:
черепахи, слонов и, тем более, стишков Бродского.

Дорожу каждым днем, будто эфемериды,
воспаря уже от бокала бордосского...

Протрезвев, как ударившись оземь, на небо сердит я,
если снились коррида, платочек мифичной Фриды,
Фарос, дымный маяк, тень Колосса Родосского, —
плоский мир и — избави Господь! — стишки Бродского.

«Помирать, конечно, не хочется...»

Помирать, конечно, не хочется.
Тем более, в одиночку.
Прожитое перед глазами корчится —
никак не сгрудится в точку.

Там, позади, чего только не было!..
Одна Марина Ивановна
чего стоила: имела тело — во!..
И как подминала диваны... Но

впереди, в затхлом месиве буден —
Марина Ивановна с планеты съехала —
ничего такого уже не будет,
кроме мимолетного эха.

«Здесь, где чумные тучи...»

Здесь, где чумные тучи
пляшут над головами,
пишу я, быть может, лучше,
чем Мураками.

Я никому не известен.

И это вселяет надежду:

не испогалят песен,
не втиснут словечко между
лезвием и аортой,
ужасом и отчаянием,
предсмертным хрипом и горлом,
вечностью и молчанием,
между тоской и винной
чашей в гулкой гостиной,
мною и тобой, безвинной,
между гробом и глиной.

«Давай возьмемся за руки, пройдемся по ребрам причала...»

Давай возьмемся за руки, пройдемся по ребрам причала
в чаше летнего вечера, пока ночь стремглав не примчала:
к чему поднимать столбом пыль ложного звездного
света? —

в горле першит вопрос, но нет на него ответа.

Давай возьмемся за руки. Что воздевать их к небу,
холодному до безмолвия, сбитому на потребу
тем, кто жаждет поблажки или взывает к мщению,
даже не встав на путь от грехопадения к всепрощению.

Давай возьмемся за руки: пусть перетекают токи
между двумя вселенными, что так ревниво жестоки,
требуя, будто косая, полного одиночества.
Ночь налетит, — и отчаливать. Умирать до смерти не
хочется!..

Давай возьмемся и вместе сбросим глыбу горя
с вершины страданий и опыта: пусть катится к чертям, в
море

невзгод, печалей и радостей, что бьется о сваи причала.
Давай возьмемся за руки!.. И ад начнется сначала.

Но память хотя бы на миг вернет нас к самому
нежному...

Молю, возьмемся за руки. Пусть кажется: все по-
прежнему.

Первая встреча. Молчание. Шаток настил причала.

Возьмемся покрепче за руки!.. Смерть еще не примчала.

Не разомкнула пальцы, души, ток поцелуя.

Давай развернемся к вечности, — плечом к плечу,
вплотную.

Пускай Господь любит, — не зря, мол, истратил глину,
слепив мужчину и женщину, женщину и мужчину.

«Не закрывайся от мира. Даже на дне бутылки...»

И. Б.

Не закрывайся от мира. Даже на дне бутылки.
Зачем тебе водка, если ты не в Бутырке?
За «Правдой» к киоску — тенью, обратно с газетной
ложью —
не подлежит сомнению — в дом ужом хаос тоже.

О, не закрывайся от мира, не затворяй всех окон.
Потому что сиротство, словно невидимый кокон,
стягивает навеки. А если придет неземная
любовь, — ее не заметишь, кокона не снимая.

Не закрывайся от мира; живи, — душа нараспашку.
Нищие духом здесь там заслужат поблажку.
Зачем закрываться, если пьяный в дымину анатом
легко извлечет из сердца и самый сокрытый атом.

О, не закрывайся от мира. В нем, будто смычком по
струнам,

елозит по нервам каждый, кто прошмыгнул к трибунам.
Сбрось наземь груз забот, — новая станет лишней.
Ты написал много букв; не плюнул в них только ближний.

Не закрывайся от мира. О, пускай вся Вселенная
глядит на твои чудачества — грядущая и современная:
близок — когито, эрго сум — век идиосинкразии.
Не закрывайся от мира! Даруй эту блажь России.

Не будь гордецом! Будь тем, чем угодно случаю.
Не закрывайся от мира! То есть впади в падучую —
слейся с толпой на площади. Сожги с ней все, что на
папирусе
черкал о хроносе, космосе, эросе, расе, вирусе.

«Счастье вывезло б, да лопнула подруга...»

Счастье вывезло б, да лопнула подруга.
Быть поэтом — значит, в бой идти без рати.
Зря ль беда мне будто верная подруга —
от зари и до зари в моей кровати.

Так тирану не живется без холопа —
вечно хочется рабу заехать в рыло.
Но хоть тысячу рабов на то ухлопай,
легче вряд ли станет, если грусть накрыла...

Мне бы крылья — упорхнуть в родные дали.
На чужбине жизнь забавна по приезде.
А затем как будто что-то недодали
или у дверей нагадили из мести.

Мастерам пера, конечно, было легче —
им эпохи выпадали позанятней:
кто под пулю лез, кто в петлю, кто за вечер
надирался вдребадан, не клят не мят. И

нынче — квасят... В основном, мозги народам:
даром, что ли, собирают с них налоги,
за глаза привычно величая сбродом,
а в глаза — «Ко мне идите, бандерлоги!..»

А затем в своих берлогах строят планы —
намерения наивностью прелестны:
верных клоунов — в парламент на диваны,
остальных — по шпалам, как в известной песне...

Ясный день порой тревожен — ждешь, как в бурю:
вскоре где-то что-то рухнет непременно, —
переменные зубрили в школе сдуру,
а в награду — плесневелый фарш в пельменной.

И Емеля на печи мечтал о счастье.
Где-то в проруби в тоске металась щука.
Вскоре встретились: посыпались напасти, —
не отбиться от беды, хоть тресни, сука...

Угораздит же оставить печь не к месту,
не ко времени, без денег и с похмелья...
А теперь валяй, воюй себе невесту,
но что делать с ней затем, скажи, Емеля!..

Быть поэтом — значит, в бой идти без рати.
И погибнуть на виду, в осаде круга.
Но что толку горевать о той утрате:
счастье вывезло б, да лопнула подпруга.

«Кто предложил бы обмен — в ситуации...»

Кто предложил бы обмен — в ситуации,
если жизнь протекает вотще,
а у симпатии менструации
нерегулярны ва-аще, —
мыслями, планами, чертежами
воздушных замков... В душе
ужас и паника чертят ужами —
безумие не за горами уже.
Голова — логово сновидений.
Где-то там в уголке,
мстя, как Молóх, за позор унижений,
тлеет пожар в уголке.
Как угорелый мечусь по комнате —
мерещится сизый дым.
Ворвать бы сердца кровавый ком — нате,
носитесь, живите с ним.
Ждете пожара, — жара вам мало...
Займется, — только держись!..
Но не приближайтесь ко мне: потрава,
не лезь, — побереги жизнь...

«Здравствуй, друг! В Риме осень. Задуло...»

Здравствуй, друг! В Риме осень. Задуло
воглым ветром, к досаде франтих...
Как ты сам? Чаю я, из загула
вышел, жив. И пожар в тебе стих...
Помнишь, я посылал из Катулла
пару фраз: любовь к Лесбии в них
воспевалась. Средь гвалта и гула
римских дебрей поэтов таких
нынче нет... Впрочем, помнят Катулла
здесь немногие. Чти его стих!..
Пусть судьба и крива, и сутула,
я признателен ей, что постиг:
быть влюбленным — счастливейший миг...
Так солдат, избежав караула
в зной иль стужу, ликует. Старик,
мой совет: заучи из Катулла, —
да спасет тебя этот родник.
Стань смирен... Как говаривал Сулла,
кто в гребцах был, — и в кормчих велик.

«Серебряная река...»

Серебряная река,
ты катишь издалека:
истоки твои невесть где,
а в устье — тысячелетья...

Звезды садят бока
в заводи. Глубока
серебряная река
Времени... А пока

в лодчонке без весел я —
с похмелья не до веселья —
скольжу на шалом ветру
по зыбкому серебру.

Извилисты берега:
память зря ль сберегла
и голоса, и лица...
Жаль, жизнь живым только снится.

Клопочут и дни, и века...
Но в воды не бросить венка,
не встретиться вновь, не проститься.
Горит серебром водица.

Мне б прикоснуться к губам,
но как пристать к берегам!..
Катит поток, серебрится, —
луна на беду полнолица...

И остается — казниться,
что прежде не выжгло глазницы...
Биться увечной птицей
во снах, как в силках, обрекла
серебряная река!..

«Ни пером, ни винцом не балуюсь...»

Ни пером, ни винцом не балуюсь.
Шало в бубен колотит судьба.
В небе ворон кружит, будто Пауэрс
на лихом самолете У-2.

Уда Господа, видно, оборвана, —
зря ль душа не идет на крючок.
Так пляши, не тужи... Оба-на!
Отжигай на все сто, старичок...

Балагань! — враз делишки наладятся.
На лесе стянет бес узелок.
Подсечет молодца: хрусть, — и маска с лица.
И болтайся в петле, ангелок.

«Вновь молчу на пределе себя самого...»

Вновь молчу на пределе себя самого.
Говорить вроде б незачем, не с кем и не о чем...
По утрам позлословить лезет солнце в окно —
сонно тянет лучи, словно ладонь с мелочью.

Чур, у жизни я милостыни не просил!..
И у смерти вовек не просил смерти.
Выдираю у безмолвия звук из последних сил,
стиснув зубы и не жалея себя, поверьте.

И дерьмо бытия обходил стороной.
И ронял слова, и, бывало, — сплевывал.
И вынашивал образ стогранный, живой,
рухнув замертво в травы, как спиленный ствол.

Волноваться? — нет, не о чем: строчу в стол,
уступая трибуну героям да неучам...
И тянусь на пределе себя самого, что яремный вол.
Говорить?.. Вроде б незачем, не с кем и не о чем.

«Храм слова обrekli на слом...»

Храм слова обrekli на слом,
как будто девушку с веслом
подростки в парке городском
снасильничали для потехи.
Сметает храмы в хлам ковшом
бульдозер жизни. Ні!.. Шалом!..
Аукционным молотком
мир пригwoждают без помехи
к триумфу фальши и безличья,
швырянью денег в грязь. И птичьа
готовность петь псевдовеличье
ошеломляет. И молчу,
к изгнанию приговоренный
судом лжепастырей и овнов,
им bleющих. И говор оный
ни знать, ни слышать не хочу.

«Я качаю, качаю, качаю говно...»

Я качаю, качаю, качаю говно...

Ассенизатору все говно всем равно,
лишь бы было пожиже.

Помню, летом с женой отжигали в Париже.

Мона Лиза и все такое...

Какое-то пожухлое, наносное.

Я так скажу, мужики: в гараже домино —
это жизнь!.. А музеи Парижа — говно.

Такое же, как и наше:

ни хуже, ни лучше, чем в параше, на пляже,
под аркой в парке, за гаражами,

в подъезде, под дверью консьержа, — чо заржали? —
на вернисаже гаражного искусства и даже,
прости меня, Господи, в Эрмитаже!..

«Я на окраину рвану, в лихой район...»

Я на окраину рвану, в лихой район...

Там, на задворках, где не считано ворон,
зайду в замызганный стеклянный павильон,
знакомый с незапамятных времен,
и выпью пива у разбитой стойки.

И голоса друзей, что загремели в рай, — он
дарован был им, словно вобла за столом, —
вдруг зазвучат, как наяву, со всех сторон,
и молния сверкнет, и грянет гром,
и я спрошу у бармена хмельной настойки.

И вспомню дни и битв, и похорон, —
твоя ладья не устает, Харон!..

Одних в снега увез столыпинский вагон,
других трубач призывал под свод знамен, —
мы были храбры от попойки до попойки...

От тех времен остались гулкий перезвон
колоколов, кресты да карканье ворон,

когда-то видевших, как лезут на рожон,
припрятав для себя один патрон,
мальчишки, знавшие ли, нет, о птице тройке.

«Льняные, юные, красивые ...»

Льняные, юные, красивые —
призвали будто на подбор! —
легли за матушку Россию вы
в сырую землю. И от гор
Кавказа до седого Севера —
из века в век один расклад —
вас не хранят ни царь, ни вера,
ни страх, ни штык, ни автомат.

«Где-то там, где болотные топи...»

Где-то там, где болотные топи
упираются в мерзлоту,
повстречал я однажды — утопия! —
несказанную красоту.

Красота та, недолго думая,
пока я под юлу пурги
городил ей стишки — безумие! —
укатила к югам с другим.

Гимны спеты. Готов ли реквием?.. —
зов пурги влечет неспроста.
Боже, дай наглядеться, прежде чем
навсегда сбежит красота.

«Ветер вдруг переменился...»

Ветер вдруг переменился
и принес, — благие дали! —
с берегов лазурной Ниццы
все, что прежде недодали.

Вдруг свежо запахло морем,
вдруг овеяло прибоем,
солнцем, ленью и зноем,
расставанием и горем.

Жив, блажу вдали от Ниццы!.. —
что мне волны и причалы.
Но мерцают вереницы
дней, исполненных печали.

В них нечаянные встречи,
шорох моря, выкрик птицы,
горечь губ... В невзрачный вечер
суждено навек проститься.

«Взгляд устремлен куда-то в небо...»

Взгляд устремлен куда-то в небо,
а ноги к месту приросли...
Очнись, поэт!.. Известна небыль.
Не жить пророку на Руси.
Еще бросает в жар и пот,
еще то трезв, то пьян в дымину,
а уж зовут — пожалте в гроб!..
Хрясть, — и уложат в домовину.
И ни к чему мечтать о славе —
поэтам нынче глыб не ставят,
чтоб вознести на постамент
провидца мрачных перемен.
Чтоб кто-то мог — я, он иль ты —
в какой-нибудь дождливый вечер
к подножью возложить цветы:
мол, ты прости наш шкурный мир,
оракул, трубадур, кумир,
мол, скоро свидимся. До встречи!..
А может, — чтоб у ног твоих,
что приросли, у взгляда в небо
я ей захлеб читал стихи,
мечтая: быть поэтом мне бы!..

«Там, где из грязи не вылезти...»

Там, где из грязи не вылезти,
где нищета глубока,
где на приволье, без привязи,
греет теленок бока,
глядя без устали в дали, —
мол, дела нет до того,
что скотобойни заждались
только его одного, —
там, где ни капли в колодце,
где ждет спина батога,
где не в чести инородцы, —
гнать их — и вся недолга! —
там, где ни черта, ни бога,
где взявший мзду возьмет впредь,
где, начинаясь, дорога
тут же спешит захиреть,
там, где от жизни нет прока,
где злой петух влез на жердь, —
вмиг готов выклевывать око,
если кто сунется в клеть, —
там, где и в счастье — морока,
где ни к чему и умнеть,
там, где душе одиноко,
вышел мне срок умереть.

«Да не знать вам жизни без водки! Кара сия злая...»

Да не знать вам жизни без водки! Кара сия злая...
Взамен ничего не достанется, кроме клетки и попугая.
Он будет кряхтеть о чем-то, трезвому — не расслышать.
Ша! — вскрикнете вы; и взмокнете, словно заныла
грыжа.

Рыжая осень грязью измазана, будто бухая
бэ на вокзальной площади — не старая, но и не
молодая...
К таким — поймать на шару! — лезут бомжи и стражи
порядка,
но огребают по роже, — значит, накладка.

Кладезь жизни — не водка, хотя водичка — живая:
стоит свинтить пробку, и взвинтится мостовая.
И ключ реминисценций вдруг хлынет из ниоткуда:
даже чекушки хватит гальванизировать чудо.

Чудится и попугаю, что отворили дверь клетки:
можно лететь на волю, не доедать объедки,

не биться о прутья мыслей, неисполнимых желаний,
не призывать к милосердию, не протягивать дланей.

Едок туман иллюзий; крик застревает в глотке,
иссохшей, как старое русло, — по слову, а не по водке.
Наткнулся на рейтинг поэтов. Боже, рейнского гению! —
дружно стоят в затылок. Лицом к забвению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.